

УДК 17

«ПОНИМАЮЩАЯ» ПРИРОДА ПРОБЛЕМЫ В РАМКАХ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

И.Б. Ардашкин, А.А. Корниенко, А.В. Корниенко

Томский политехнический университет

E-mail: ibardashkin@mail.ru

Рассматриваются онто-гносеологические основания проблемы в рамках герменевтического подхода. Акцентируется тот момент, что для гуманитарных наук в познании важен в первую очередь не поиск истины (хотя от такой цели полного отказа не происходит), а то, каким образом субъект представляет себя, других, мир. Здесь важно не столько точное отображение объекта, сколько глубина проникновения в себя, в свои смысловые ориентиры. Поэтому задача проблемы в гуманитарном познании – понять, выстроить коммуникацию с самим собой как основой познания. При этом существуют опасные тенденции, могущие привести к бессмысленной проблематизации ради проблематизации. Противовесом этой тенденции выступает у Г.-Г. Гадамера разделение между вопросом и проблемой, поскольку вопрос обладает большей определенностью, чем проблема, что и позволяет избегать крайностей неопределенности и определенности. Рассматривается механизм соблюдения меры соотношения проблемы и вопроса в гуманитарном познании – конфликт интерпретаций.

Ключевые слова:*Понимание, субъект, проблема, вопрос, герменевтика, конфликт интерпретаций.***Key words:***Understanding, subject, problem, a question, hermenevтика, conflict of interpretations.*

Задача статьи – продемонстрировать, что проблема в системе гуманитарных наук характеризуется прежде всего как способ достижения понимания между субъектами. Герменевтика как философское направление, специализирующееся на изучении понимания как особого отношения человека к миру выражает, какими путями, способами понимание достигается, что оно, вообще, из себя представляет, какое место оно занимает в системе человеческих приоритетов. Следует сказать, что в герменевтике понимание выступает не только как познавательная форма мировосприятия, но и как экзистенциальный способ существования человека, его бытия. Это предполагает более широкий и смысловой контекст функционирования, некоторую независимость от истины, формализации, верификации. Для проблемы, традиционно связанной с познанием, избранный ракурс означает демонстрацию проблемы в контексте жизни человека. Герменевтика позволяет рассматривать неустранимость проблемы как основания понимания не только из познания, но и из жизни. Одновременно следует осознать и проблемные составляющие понимания.

В целом, обращение к изучению понимающей природы проблемы предполагает осмысление ряда вопросов, без которого тема исследования осталась бы непроясненной. Поэтому в параграфе будут рассмотрены такие моменты: подходы к пониманию, сложившиеся в герменевтике, момент связи понимания и человеческой коммуникации, момент соотношения проблемы и вопроса как способов актуализации понимания. Нельзя сказать, что могут быть получены однозначные решения, но эти решения должны будут подчеркнуть в полной мере широту горизонта сферы проблемы, ее понимающей природы.

Следует добавить, что автор обратится к разным представителям герменевтической философии (та-

ким как Г.-Г. Гадамер, П. Рикер) в связи с тем, что только в таком широком срезе и возможна демонстрация уникальности понимающей природы проблемы. Герменевтика предстает как философское направление, чье разнообразие интерпретации процесса понимания сочетается с самой необходимостью понимания как способа мироотношения.

Понимание – достаточно сложный процесс, но в герменевтике через это понятие стремились выразить особое отношение человека к окружающему миру. Можно утверждать, что понимание трактовалось как более глубинное отношение к миру, нежели познание (хотя это не значит, что познание и понимание должны противопоставляться друг другу). Кроме того, понимание – это не только процесс, но и состояние, способ отношения к миру, когда истина и ложь, добро и зло и т. д. оказываются не исключительными критериями наших представлений, а одними из многих. В связи с такой разнообразной структурой понимание выступало сложным явлением для своего осмысления.

Понимание здесь не рассматривается как способ достижения очевидности, ясности, а является фундаментальным основанием бытия, его способа функционирования. В этом случае понимание предстает не как эквивалент знания в системе жизненных сфер, что шире, чем познание, а как проблематизация самого себя. Ведь в таком случае понимание предстает как исходное начало бытия и существования, обращенное к самому себе. Это очень четко прослеживается у Г.-Г. Гадамера. Для него неважно качество понимания хотя бы потому, что неясно, что это такое. Само понимание как понятие и сущность, он полагает, остается открытым. «Его заботит не создание измерительного устройства, определяющего, где понимания больше, а где – меньше, а вопрос, как понимание вообще возможно, каковы условия, при которых оно осу-

шествляется (или не осуществляется). Иными словами, философская герменевтика переводит вопрошание из методологического плана в онтологический» [1. С. 327].

Такой переход, изменение представления о понимании можно связать с двумя причинами. Первая причина — это преодоление объективистской установки к пониманию, связанной с влиянием традиционной теорией познания. Вторая причина обусловлена поиском более широких естественных способов познания, в которых не происходит противопоставления познания и жизни. Лучше всего об этом сказал Г.-Г. Гадамер. «Немецкая философия нашего столетия... характеризуется решительным поворотом — событием, которое в такой форме едва ли могло произойти в других странах Европы. Я имею в виду шаг, совершенный Гуссерлем и Хайдеггером, а также теми, кто учился у них. Мы лучше всего опишем такой шаг, если вместе с Гуссерлем скажем: это переход от мира науки к миру жизни» [2. С. 7]. Для мира жизни категория истины не может подходить как исчерпывающая характеристика, поскольку в мире допустимы не только достоверные знания, но и недостоверные, не только правда, но и ложь.

Онтологическая трактовка понимания связана с поиском более фундаментальных оснований. Проблема выступает здесь как одно из основных свойств, поскольку ее состояние позволяет сохранить укорененность понимания в жизни, делает его открытым и неисчерпаемым. Отсюда еще одно объяснение перехода к онтологической трактовке понимания, которое в познании требует конечности, результативности, ясности, а это сужает содержательные возможности понимания, заставляя его исключать все аспекты, не связанные с последним, что ведет к устранению жизненной практики и опыта человека из содержания понимания. Как пишет Л.А. Микешина по поводу онтологического поворота в философии Г.-Г. Гадамера, что «это усилие Г.-Г. Гадамера преодолеть гносеологическую ориентацию, обратиться к онтологии, выяснить условия возможности понимания при сохранении целостного человеческого опыта и жизненной практики» [3. С. 70], т. е. это усилие, чьей задачей является не исключение многообразия жизни и человеческих практик, а максимальное включение их через различные культурные механизмы.

Такое допущение возможно при максимальной проблематизации понимания, когда различные представления не исключают друг друга, а сосуществуют, что обозначить только лишь с помощью познания невозможно. Требуется обращение к иным практикам. Поэтому Г.-Г. Гадамер обращается к искусству, полагая, что познание (научное познание) этой практики, по сути, невозможно. Только понимание может позволить обратиться к искусству. Он пишет: «Тот факт, что в произведении искусства постигается истина, недостижимая никаким иным путем, и составляет философское значение искусства, утверждающее себя вопреки всякому

рационализированию. Таким образом, наряду с опытом философии опыт искусства оказывается настоятельным призывом к научному сознанию признать свои собственные границы» [4. С. 40].

Возникновение трактовки проблемы как явления, характеризующегося понимающей природой в герменевтике, позволяет рассматривать вопрос об организации процесса понимания и роли проблемы в нем. Следует констатировать, что рассмотрение этого вопроса невозможно без обращения к вопросу о природе человеческого бытия, его коммуникации, ибо понимание — это способ человеческого бытия. Человек выступает как источник понимания и как его продукт, как источник проблем и как их результат.

Следует заметить особое понимание человека в герменевтических учениях. Герменевтика не выступает радикально против понятий традиционной гносеологии, где человек рассматривается как субъект, а познание сводится к установлению субъект-объектных отношений. Герменевтика не отказывается от понятия субъект, но по-иному понимает его.

Субъект интерпретирующий — это не субъект вообще, не универсальное познавательное начало, претендующее на абсолютность и достоверность своих познавательных усилий, способный устранить единичность проявлений своего носителя в пользу всеобщей значимости познания. Субъект интерпретирующий — это экзистенциальная основа человека, позволяющая ему существовать. Проблемность такой трактовки субъекта заключается в том, что интерпретация выступает условием ее проявления. Если человек является традиционным субъектом, то для него основа — наличие очевидностей, ясности, беспрепятственности. Иными словами, отрицание проблемы как собственного начала. Такой субъект не должен сомневаться в исходной точке своих рассуждений, наоборот, он опирается на нечто несомненное. Отсюда основной лейтмотив субъекта, как это показывает Р. Декарт — автор такого понимания субъекта, — очищение, поиск чистоты, ясности, очевидности, но это очищение является не просто способом преодоления ошибок, а ограничением части бытия. Как пишет Л.А. Микешина, «для этого потребовалось не только очиститься от заблуждений, от всех способов чувственного познания, предрассудков и представлений, полученных в повседневном опыте, но и освободиться от всего телесного, вообще от протяженности, движения, места как сущностей иной природы, принять их лишь как «вымысл его ума». Это позволило создать новую абстракцию — «я» как «мыслящей вещи» в отличие от «вещи протяженной»» [3. С. 250]. Проблемность подобной трактовки не является характеристикой универсальной, объясняющей мир и познание в целом, она является односторонним проявлением исключаемых сущностей: ошибок субъекта и протяженной (континуальной) реальности.

Познание, по Р. Декарту, никак не связывает субъекта и истину в плане понимания смысла дея-

тельности субъекта. Проблема не характеризует особенность этого соотношения в позитивном плане, т. к. истина, по сути, — это очищение субъекта самим собой (отказ от единичности своих проявлений).

В герменевтике подобный подход отрицается. Речь идет о позиции Г.-Г. Гадамера. Г.-Г. Гадамер следует за своим учителем М. Хайдеггером, который впервые вывел герменевтическую интерпретацию за пределы текста в сферу человеческой экзистенции. Это не значит, что текст и язык выпали из герменевтики Г.-Г. Гадамера, наоборот, текст и язык — это и есть сфера проявления экзистенциального понимания человека. Важны не сами текст и язык, а тот смысл, который человек несет через эти структуры.

Понимание человека, его коммуникации глубоко связано с языком. Здесь работает принцип, что язык — это дом бытия, но Г.-Г. Гадамер бы только лишь повторил М. Хайдеггера в этом аспекте, если бы не обратился к анализу понимания изнутри, понимания самого по себе, без всяких лишних ссылок на историю вопроса и желания ниспровергнуть философию от Платона до И. Канта. Язык для Г.-Г. Гадамера — это горизонт, контекст понимания. Именно в языке заложена сущность понимания, но эта сущность не является самостоятельным порождением языка, она задана пониманием.

Язык всего лишь посредник взаимопонимания. В этом вопросе можно провести параллель с П. Рикером, который характеризует язык посредником. «Язык не есть момент, он посредник, т. е. то, посредством чего и через что мы устремляемся к реальности (какой бы она ни была); роль языка заключается в том, чтобы говорить что-то о чем-то; благодаря этому язык вырывается за пределы самого себя и устремляется к тому, о чем он говорит» [5. С. 316]. Г.-Г. Гадамер близок к подобной оценке: «Язык — это среда, в которой объединяются, или, вернее, предстают в своей исконной принадлежности «Я и мир»... Бытие, которое может быть понято, есть язык» [4. С. 548].

Язык важен для человека и его понимания мира, без него нет возможности говорить о взаимодействии, взаимосуществовании, а значит, взаимопонимании между человеком и миром. Язык есть сфера этого взаимодействия и взаимосуществования. Он представляет собой опыт этих взаимоотношений, опыт, который способствует пониманию человека. «Языковой характер нашего опыта мира предшествует всему, что мы познаем и высказываем в качестве сущего. Основополагающая связь между языком и миром не означает поэтому, что мир становится предметом языка. Скорее то, что является предметом познания и высказывания, всегда уже окружено мировым горизонтом языка» [4. С. 520].

Язык преподносит понимание человека так, как будто это оно уже в нем присутствует. Потенциально язык предвосхищает понимание, он уже обладает им, а человек должен лишь обратиться к

языку, чтобы это понимание выявить. Язык демонстрирует, что понимание — это уже пред-понимание. То, что человеку требуется понять, им уже понято благодаря языку, только человек еще не осознал этого. «Язык есть нечто большее. Он есть всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира и в этом смысле ничем не заменим. Прежде всякой философски нацеленной критической мысли мир есть для нас всегда уже мир, истолкованный в языке» [4. С. 29]. Отсюда огромная роль пред-рассудков, пред-мнений и других моментов, заключающих в себе уже интерпретированное понимание того, что предстоит понять.

Понимание таким же образом влияет на человеческую коммуникацию, утверждая, что коммуникация возможна только в условиях и границах пред-понятого. К примеру, коммуникация двух человек, разговаривающих на разных языках, будет осуществляться в границах пред-понятого ими взаимодействия. Иначе понимание не может быть достигнуто.

Понимание у Г.-Г. Гадамера меняет структуру познания, об этом шла речь выше. Но сейчас важно продемонстрировать, почему Г.-Г. Гадамер в своей интерпретации понимания не приемлет традиционную трактовку истины как аналога понимания для познания. Истина в познании характеризуется как объективная, которая отражает состояние реальности такой, какой она является. Истина выделяет в тексте подлинный смысл, полагая другие смыслы ошибочными. Для Г.-Г. Гадамера же понимание — процесс живой и открытый; он не считает, что в тексте, в мире имеются смыслы, которые должны быть воспроизведены. Даже воспроизводство смысла — это построение нового смысла. Для понимания характерно то, что оно не повторяется. Как пишет Г.-Г. Гадамер, «этим еще раз подтверждается наш тезис, что понять означает прежде всего понять само дело и лишь во вторую очередь — выделить и понять чужое мнение в качестве такового. Над первейшим из всех герменевтических условий остается, таким образом, пред-понимание, вырастающее из нашей обращенности к тому же делу» [4. С. 349]. Отсюда и следует, что «понимание является не только репродуктивным, но всегда также и продуктивным отношением. Пожалуй, неверно в связи с этим продуктивным моментом, заложенным в понимании, говорить о том, что мы понимаем лучше. В действительности понимание не может быть лучшим, будь то в смысле лучшего фактического знания, достигнутого благодаря более отчетливым понятиям, будь то в смысле принципиального превосходства, которым обладает осознанное по сравнению с тем неосознанным, что свойственно всякому творчеству. Достаточно сказать, что мы понимаем иначе — если мы вообще понимаем» [4. С. 351].

Понимание важно само по себе (ибо в этом процессе проявляется интерес человека к самому себе), оно не имеет критерия своей правильности, любое понимание ценно, если оно действительно

понимание. А поскольку нет лучшего понимания, то последнее ничем не ограничено. Отсюда понимание — это всегда множество пониманий. Это подтверждает и язык как среда, где понимание функционирует. Ведь когда мы говорим язык, это означает, что это языки. Человек говорит на своем языке, имея в виду смысловой контекст языка, а значит каждый язык рождает свое понимание. В этом ценность данного понятия, т. к. оно несет многообразие смысловых единиц.

Многообразие языков (понимания) — это не только условие ценности каждого понимания человека, но это еще и условие необходимости заботы человека о себе, о сохранении своего языка, своего понимания, умения оставаться самим собой. Вот здесь и важно поставить вопрос о том, а почему понимание у Г.-Г. Гадамера укоренено еще до своего появления? Почему языковая среда, выражающая собой сферу пред-понимания, одновременно является источником устранения этого пред-понимания (множество языков несет угрозу каждому из языков)? В чем сущность такой онтологии понимания? Как так получается, что понимание возникает как уже готовый результат, неявно присутствующий в бытии человека?

Чтобы ответить на эти вопросы необходимо рассмотреть онтологические основания понимания, что сложно сделать, не обратившись к проблеме.

В принципе и сам Г.-Г. Гадамер, характеризуя сущность понимания, использует проблему в качестве примера, объясняющую такой способ его достижения. Первое, на что обращает внимание Г.-Г. Гадамер, — это жизненность понимания, его незавершенность, открытость, разнообразие. Подобные бытийные характеристики понимания лучше всего выражены через постановку проблемы, т. е. проблема демонстрирует здесь свою понимающую природу и показывает свое значение для формирования процесса понимания.

Г.-Г. Гадамер полагает, что отсутствие проблем в процессе познания и понимания характеризует завершенность познания, установку на то, чтобы познание давало окончательный результат (или единственно верный). Все это — свидетельство «мертвости» познания, его безжизненности, искусственности. Именно поэтому понимание представляет собой обратное. «Нечто может быть объективно познано в его непреходящем значении лишь тогда, когда оно принадлежит некоему завершенному в себе целому. Другими словами: когда оно в достаточной степени мертво, чтобы вызывать лишь исторический интерес» [4. С. 353].

Понимание — это уход от завершенности, это установка на коммуникацию, направленность на «другое». Подобные свойства понимания должны предотвратить его «мертвость», умирание. Даже форма функционирования понимания пытается отразить эту особенность. Г.-Г. Гадамер (как и М. Хайдеггер) определяет круговую структуру понимания, характеризуемую как герменевтиче-

ский круг. Круг — это та фигура, которая не имеет ни начала, ни конца, а значит она представляет собой «незавершаемое» начало, где понимание «вертится», «крутится», но не прекращается.

В круге присутствует проблемное начало, которое проявляется в том, что, даже решая проблемы, человек не исчерпывает их, вновь возвращаясь к ним. Сами проблемы возникают перед человеком, задавая ему необходимость искать новые смыслы в их решении. В этом есть какая-то онтологическая обусловленность функционирования понимания, проблемы и человека. Как пишет Г.-Г. Гадамер, «то, что Хайдеггер говорит здесь, является не столько требованием, предъявляемым к практике понимания, сколько описанием формы осуществления самого понимающего истолкования. Суть хайдеггеровской герменевтической рефлексии сводится не к тому, что мы сталкиваемся здесь с логическим кругом, а скорее к тому, что этот круг имеет онтологически позитивный смысл» [4. С. 318].

Герменевтический круг создается через проблемный механизм функционирования, когда одно понимание выступает одновременно и как вопрос, и как ответ. Не в этом ли проявляется понимающая природа проблемы? Ибо если пытаться рассматривать понимание иначе, то тогда становится непонятным, как оно может функционировать через пред-понимание. Понимание — это проблематизированное пред-понимание, когда уже в языке в подобном состоянии оно представлено, но человеком еще не осознано, т. е. сложность понимания в том, что оно уже осуществилось, без него понять что-то, вообще, нельзя, но мы достигаем уже оформленное понимание через причастность к проблеме. Проблема — это то состояние, которое позволяет пониманию быть. Проблема выступает коммуникативным механизмом для понимания, ибо без последнего понимания нет. Понимание — это всегда выход за рамки, стремление себя понять, что также является выходом за рамки. Выход, который носит форму проблемы в ее вопросно-ответном виде. Как пишет Г.-Г. Гадамер, «понимание начинается с того, что нечто к нам обращается. Таково первейшее герменевтическое условие. Мы теперь знаем, что для этого требуется: принципиальное воздержание от собственных пред-суждений. Однако всякое воздержание от суждений — а, следовательно, и в первую очередь, от пред-суждений — имеет, с логической точки зрения, структуру вопроса. Сущность вопроса в открытии возможностей и в том, чтобы они оставались открытыми» [4. С. 354].

Структура проблемы — вот источник, позволяющий представить понимающую природу проблемы и форму ее проявления. Г.-Г. Гадамер рассматривает проблему через логику вопросно-ответного механизма мышления и понимания. В этом смысле возникает сложность соотношения различных подходов, которые существуют по отношению к проблеме и вопросу. Для автора этот аспект важен по той причине, чтобы продемонстрировать именно герменевтическую особенность трактовки

проблемы в ее статусе как организационного начала гуманитарного знания.

По мнению Г.-Г. Гадамера, природа у проблемы и у вопроса разная. Это значит, что одно из этих понятий не может выступать эквивалентом другого, т. е. с помощью одного понятия нельзя объяснить другое понятие так же, как мир одного человека нельзя заменить миром другого. Но подобная трактовка проблемы и вопроса подчеркивает еще сильнее сложность понимания как способа бытия человека.

Для Г.-Г. Гадамера вопрос обладает по-настоящему бытийной укорененностью. Это — естественное состояние человеческого бытия, имеющее потому и логическое выражение. Часто вопрос отождествляют с этим логическим выражением, но суть вопроса в другом. Он выражает глубину понимания, сложность состояния чего-либо или кого-либо. Понимание, истолкование так связаны с вопросом, что одно без другого невозможно. Вопрос всегда существует в контексте понимания, он всегда нечто большее, чем выражающая его логическая структура. «Поэтому истолкование всегда содержит в себе существенную связь с вопросом, заданным интерпретатором. Понять текст — значит понять этот вопрос. Как мы показали, однако это происходит путем обретения герменевтического горизонта. Этот последний мы понимаем теперь как горизонт вопроса, в границах которого определяется смысловая направленность текста» [4. С. 435]. Вот сущность вопроса, т. е. то, что задает ему смысл, а также позволяет пониманию быть осмысленным.

Смысл вопроса проявляется в том, что он требует ответа, вопрос может быть безответным, но это скорее уже проблема (так, по крайней мере, трактует Г.-Г. Гадамер). Смысл вопроса в его коммуникативности, благодаря которой возникает контекст понимания. Это постоянная ориентация на поиск связи с иным в бытии, которая порождает открытость, жизненность понимания, что строится на контекстуальной обусловленности вопроса. Как пишет Г.-Г. Гадамер, «к сущности вопроса относится то, что вопрос имеет смысл. Смысл, однако, есть направленность. Смысл вопроса — это, таким образом, направление, в котором только и может последовать ответ, если этот ответ хочет быть осмысленным, смыслообразным. Вопрос вводит опрашиваемое в определенную перспективу. Появление вопроса как бы вскрывает бытие опрашиваемого» [4. С. 427]. Вопрос — это актуализация бытия человека, который спрашивает о чем-то посредством вопроса.

Таким образом, вопрос — это бытийное состояние, в котором проявляется определенная единица смысла текста, диалога, человека. Вопрос — конструктивный герменевтический способ функционирования, открывающий новые смыслы. Главное, что вопрос несет пониманию — это связь с жизнью, выражающую изменчивость мира и человека.

Проблема у Г.-Г. Гадамера носит иной смысл. Нельзя сказать, что проблема не имеет бытийной

укорененности, но эта укорененность возникает как результат противостояния идей Г.-Г. Гадамера идеям теории познания, доминирующим в естествознании. В чем же это проявляется?

Здесь нужно обозначить два аспекта трактовки проблемы: во-первых, негативная сторона проблемы как свойство ее природы и влияние этой стороны на понимание, во-вторых, соотношение проблемы и вопроса.

Проблема, по Г.-Г. Гадамеру, играет негативную роль по отношению к вопросу, знанию, бытию. Эта негативность заключается в том, что проблема обладает установкой, разрушающей связь между смыслом и текстом, человеком. Задача проблемы — обозначить недостаточность, незавершенность и более ничего. Проблема констатирует такое состояние ограниченностью. По отношению к вопросу это проявляется в том, что проблема консервирует вопрос в состоянии его логической выраженности, снятия содержания и горизонта вопроса. «Понятие проблемы дает, очевидным образом, выражение некоей абстракции, отделяющей содержание вопроса от самого вопроса, который один только и способен раскрыть это содержание. Подобная «проблема» выпала из мотивированного контекста «вопроса», который и сообщает ей смысловую однозначность» [4. С. 442].

Основная характеристика проблемы — это ее неразрешимость. Именно в этом Г.-Г. Гадамер видит основное отличие ее от вопроса. Неразрешимость проблемы возникает за счет вопросительного плюрализма, т. е. состояния вопрошания, в котором вопрос не может быть сформулирован, а если и может быть сформулирован, то будет не принят. Проблема «поэтому также неразрешима, как и всякий вопрос, лишенный однозначного смысла, поскольку он в действительности не мотивирован и не поставлен» [4. С. 442].

Однако такое понимание Г.-Г. Гадамером проблемы не следует считать окончательным, ибо оно обусловлено его критикой позиций неокантианцев, Р.Д. Коллингвуда, их трактовки истории как истории проблем. С точки зрения этих представителей философии истории, последняя предстает как существование, в рамках которого люди каждый раз решают одни и те же проблемы, только в разные исторические эпохи. Иными словами, проблема для них выступает в качестве вечного источника деятельности человека. Поэтому неразрешимость проблемы они приписывают как неизменный фактор. Г.-Г. Гадамер не согласен именно с этим. Он полагает, что проблема должна быть изменчивой, что у нее есть своя жизнь, своя временность. «История проблем была бы истинной историей лишь в том случае, если бы она осознала, что тождество той или иной проблемы есть пустая абстракция и что постановки вопроса меняются с течением времени. Внеисторическая точка зрения, которая позволяла бы мыслить тождество той или иной проблемы, сохраняющейся вопреки всей изменчивости попыток ее решения, — такой точки

зрения в действительности не существует» [4. С. 441–442]. Проблема даже при всей своей неразрешимости жива, поскольку обращение к ней меняет ее бытие. «Проблема, которую мы идентифицируем, в действительности уже не является той же самой, если мы понимаем ее в подлинном акте спрашивания» [4. С. 442].

Даже попытка вывести проблему за рамки бытия в сферу чистого разума, как это делает Кант, видя в проблеме продукт деятельности разума, который не рассчитан на окончательные разрешения, еще не значит того, что проблема негативна для понимания. Это скорее разум стремится скрыть за проблемой свою ограниченность, нежели проблема свое бытие. Проблема имеет свою природу, которая проявляется через сочетание неразрешимого вопрошания и разрешимых вопросно-ответных отношений, поэтому она вечна как вопрошание и временна (жизненна) как вопросно-ответная форма. «Критика понятия проблемы, осуществляемая посредством логики вопроса и ответа, должна разрушить иллюзию, будто проблемы существуют вечно, как звезды на небе. Размышление о герменевтическом опыте вновь превращает проблемы в вопросы – вопросы, которые действительно встают и смысл которых определяется их мотивацией» [4. С. 443].

Поэтому, выражая негативную оценку проблемы, что проявляется в утрате ею связи с вопросом (неразрешимостью), Г.-Г. Гадамер все же констатирует, что такая связь есть. И никакой разум не в силах эту связь нарушить, поскольку она бытийная. Это значит, что отношение между проблемой и вопросом неустранимо и неразрываемо. Даже если мы искусственно разорвем эту связь, она все равно проявится в чем-нибудь другом (в познании, в понимании, в языке). Таким образом, негативная сторона природы проблемы снимается, по Г.-Г. Гадамеру, через актуализацию отношений вопроса и проблемы.

Вопрос и проблема неразделимы. Без проблемы нельзя поставить вопрос, а без вопроса нельзя приблизиться к проблеме. И проблема, и вопрос определяют понимание на уровне как пред-понимания, так и на уровне «вторичного» понимания (понимания того, что уже понято). «Спрашивать – значит выводить в открытое. Открытость спрашиваемого состоит в неустановленности ответа. Спрашиваемое должно пребывать в состоянии неопределенности по отношению к решающему, устанавливающему истину высказыванию. Смысл спрашивания и заключается в том, чтобы подобным образом раскрыть спрашиваемое в его проблематичности» [4. С. 427–428].

Вопрос даже в большей мере зависит от проблемы, поскольку по отношению к вопросу можно применить критерий правильности или неправильности, а для проблемы такие критерии бессмысленны, ибо она присутствует и в правильных, и в неправильных вопросах. При всей толерантности герменевтики Г.-Г. Гадамера к гносеологии

в ее классической интерпретации, несмотря на ее критику, он понимает, что проблема не может рассматриваться исключительно рациональными методами. В этом и заключалась слабость классической гносеологии. Поэтому Г.-Г. Гадамер признает, что «не существует метода, который бы позволил научиться спрашивать, научиться видеть проблематическое... Всякое спрашивание и стремление к знанию предполагает знание незнания – и причем так, что к определенному вопросу приводит определенное незнание» [4. С. 430]. Бытие проблемы таково, что оно может включать в себя и ложное, и истинное.

Ложный и истинный вопрос – это результат различного отношения, обозначения проблемы. В истинном вопросе проблема обозначается в рамках горизонта вопроса, где горизонт предполагает открытость, которая проявляется в допустимости разных вариантов ответов (полных, неполных и т. д.). В ложном вопросе либо открытости нет, что означает лишь наличие единственного ответа, либо вообще нет возможности ответа.

Для Г.-Г. Гадамера проблема играет роль в решении и постановке правильных вопросов. В этом заключается ее позитивность. Неразрешимость проблемы понимается так, что ответы на правильные вопросы считаются промежуточными. Сфера проблемы – это сфера промежуточности. Герменевтика – учение, направленное на понимание проблемы, учение, которое реализуется в рамках данной сферы бытия. Сам Г.-Г. Гадамер подчеркивает, что «промежуточность и есть истинное место герменевтики» [4. С. 350]. Проблема, несмотря на свою негативную сторону, обладает и позитивной направленностью, что проявляется в формировании сферы интерсубъективности, промежуточности, бытия между. Отсюда и крен Г.-Г. Гадамера в своих работах в сторону искусства, эстетики, где промежуточность проявляется сильнее, заставляя понимание лучше демонстрировать свою проблемную природу. Именно эта сфера позволяет увидеть особенность эволюции проблем, бытия проблемы на примере эволюции наших представлений о мире, о прекрасном. Если в науке мы можем говорить о прогрессе знаний, который связан с кумулятивной функцией познания, то в искусстве такой аспект выделить нельзя. «Ведь никто же не станет распространять научную веру в прогресс на вершины искусства и видеть, скажем, в Шекспире прогресс по сравнению с Софоклом» [2. С. 10].

Эволюция искусства как раз и демонстрирует, что развитие проблем (сферы проблемы) осуществляется путем их жизненной изменчивости в качественном виде. В этом проявляется позитивное значение проблемы, ее понимающая природа. Тем не менее, Г.-Г. Гадамер своим позитивным отношением к проблеме как организующему началу понимания в гуманитарном знании ставит проблемы по отношению к самой проблеме, ее бытию. Бытие проблемы таково, что она может проблематизировать саму себя же, что приводит к устранению про-

межуточности, в рамках которой достигается возможность появления разрешимых ответов. Проблема в такой ситуации предстает как негатив, отрицание чего-либо, она абсолютизируется, что и элиминирует промежуточность как область каких-либо ответов. Элиминация каких-либо ответов означает наличие одного ответа. Если говорить языком работы, то негативная сторона проблемы — это возможность устранения промежуточности, абсолютизации одного ответа.

Такого рода опасность присутствует всегда, но это не значит, что она фатальна. Главный способ ее преодоления — это поддержание связи между проблемой и вопросом, которые задают полноту смыслов языку, человеку, бытию.

Наиболее удачно такой способ поддержания проблемы и вопроса охарактеризовал П. Рикер. Его он обозначил как конфликт интерпретаций. Связь между вопросом и проблемой задается за счет конфликта интерпретаций, т. е. такого типа отношений, когда возможные ответы не являются укорененными для человека. Как пишет Л.А. Микешина, «множественность и даже конфликт интерпретаций является не недостатком, а достоинством понимания, выражающего суть интерпретации, и можно говорить о текстуальной полисемии по аналогии с лексической. В любой интерпретации понимание предполагает объяснение в той мере, в какой объяснение развивает понимание» [3. С. 311].

Чтобы проблема не «подмяла» под себя вопрос, необходимо отношение конфликта между проблемой и вопросом. В обратном случае мы столкнемся с тем, что проблема подменит собой вопрос. П. Рикер обнаружил подобного рода особенность при изучении К. Маркса, З. Фрейда и Ф. Ницше. Именно эти философы показали, что чистое сознание может быть ложным. «Так называемое непосредственное сознание является прежде всего «ложным сознанием»; Маркс, Ницше и Фрейд научили нас обнаруживать его уловки. Теперь предстоит соединить критику ложного сознания с любым обнаружением субъекта *Cogito* в документальных свидетельствах его жизни; философия рефлексии должна быть полностью противопоставлена философии сознания» [5. С. 50], т. е. непосредственность сознания, его очевидность, которую искал и обосновывал Р. Декарт, не дает гарантии достоверности представлений человека, существует некоторая «скрытая» жизнь сознания, разума, которая имеет не меньшую достоверность, чем явная жизнь. И та, и другая жизнь не подвластны логике, требуют особую стратегию отношений, где конфликт представляет естественное состояние различных форм жизни.

Как характеризует эту ситуацию А.Ф. Зотов, «коль скоро речь идет об интерпретации, то всегда возможна иная интерпретация, чем предложенная. Значит (не только «в принципе», но и как правило), существует несколько разных интерпретаций, соперничающих друг с другом. Каждая из них, ра-

зумеется, имеет свои основания, собственную герменевтику. Следовательно, и «бытие интерпретирующего» (бытие в качестве интерпретатора) включает критику интерпретаций, в том числе и «корректирующую критику» собственной интерпретации... И бытие это многогранно: оно представляет собой конфликт интерпретаций, каждое из которых имеет собственную жизненную основу» [6. С. 755]. Иными словами, не существует достоверности, данной раз и навсегда, поэтому всегда необходим переход от одной достоверности к другой, от одного жизненного основания к другому. Проблема выражает наличие многообразия оснований, интерпретаций, вопрос обозначает возможность их соотнесения, но без соперничества, без конфликта подобный переход, движение интерпретаций не начнется. Поэтому необходим конфликт вопроса и проблемы, чтобы число вопросов росло, а за ним росло количество интерпретаций, за которыми стоят новые жизненные основания.

Как показывает П. Рикер, такая эволюция характерна для человека, когда он, обладая на определенный исторический момент какой-то очевидной интерпретацией, вдруг обнаруживал иные основания для новых интерпретаций, конфликтующих с предыдущими. Важно, что конфликт интерпретаций — это не «смерть» старой интерпретации, а проверка ее жизнеспособности. П. Рикер демонстрирует подобную особенность на примере психоаналитической трактовки нарциссизма, когда человек обнаруживал все новые и новые интерпретации своего бытия. «Сначала было космологическое усмирение, внушенное ему Коперником, разрушившим нарциссическую иллюзию, согласно которой Земля, где живет человек, неподвижна и находится в центре Вселенной; затем последовало биологическое усмирение, когда Ч. Дарвин показал несостоятельность притязаний человека на существование, обособленное от животного мира; наконец, дело дошло до психологического усмирения: человек, знающий уже, что не является ни властителем Космоса, ни властителем всего живого, понял наконец, что он не властитель даже собственной психической жизни» [5. С. 204].

Конфликт интерпретаций возникает еще и потому, что человек не является собственником, владельцем себя и мира, поскольку тогда он легко мог установить доминирование нужной ему интерпретации, подавить проблемное основание понимания, устранить проблему, лишние вопросы и интерпретации. А так человек должен каждую интерпретацию отстаивать, доказывать ее жизнеспособность, что реализуется только через конфликт, через постановку новых вопросов, затрагивающих проблемное.

Не случайно стратегия З. Фрейда в психоанализе, как показывает П. Рикер, характеризуется отличными от традиционной гносеологии средствами. Традиционная эпистемология идет по пути «овладения» познаваемого, отсюда и трактовка природы как «сырья», материала для реализации

человеческих возможностей. В психоанализе средства познания, понимания иные. Поскольку человек не собственник себя, он не может «овладеть» собой, природой. Человек находится в равных условиях с тем, что он познает, поэтому он подвержен не меньшему влиянию со стороны познаваемого, чем оно само. П. Рикер пишет, что «когда я говорю что психоанализ не является техникой овладения, я хочу тем самым подчеркнуть одну существенную деталь, а именно, что психоанализ есть техника достижения правдоподобия; его ставка — это самораспознавание, а путь его пролегает от незнания к знанию» [5. С. 242]. Психоанализ построен на таком принципе понимания, когда проблема сама проявляет себя, задавая вопросы, уточняющие ее состояние. Другое дело, что таких проблем может быть неограниченное количество и вполне естественно, что между ними будет вестись борьба за самопроявление. В этом и заключается особенность конфликта интерпретаций как герменевтического способа осмысления проблемы и ее сферы. П. Рикер обнаруживает такого рода практики не только в психоанализе, но и в структурализме, феноменологии, где по аналогии присутствуют основания для преодоления однозначного (гносеологического) понимания языка, сознания. Везде проявляются возможности для многообразия интерпретаций, чьим наиболее характерным способом отношений выступает конфликт.

Конфликт интерпретаций — это такой способ отношений проблемы и вопроса, такая сфера проблемы, которая предполагает преодоление стремления проблемы абсолютизировать свое бытие. Но для этого требуются постоянно новые интерпретации, новые жизненные основания, конфликт как способ бытия проблемы.

В завершении следует констатировать, что понимающая природа проблемы демонстрирует спе-

цифику прежде всего сферы гуманитарного знания, задача которого показать человеку, как следует изучать себя, субъективную природу. Проблема актуализирует понимание, поскольку лучше позволяет выразить открытость и незавершенность внутреннего мира человека. В герменевтической традиции раскрывается механизм функционирования проблемы, ее понимающая и коммуникативная сущность. Герменевтика демонстрирует внутренний способ функционирования проблемы, когда она уже изначально присутствует в понимании через свою языковую природу. Язык представляет структуру пред-понимания, когда проблема осуществила понимание в языке еще до приведения этого понимания в сознание человека. Проблема в герменевтической трактовке обеспечивает многообразие понимания, интерпретаций, что предполагает равенство этих интерпретаций. Поэтому и возникает конфликт интерпретаций как жизненный способ их сосуществования.

Герменевтика одновременно видит в трактовке проблемы и негативную сторону, связанную с тем, что проблема автоматически «проблематизирует» свое бытие. По сути, проблема создает собственный герменевтический круг, результатом которого выступает догматизация, абсолютизация, господство одного бытия перед остальными, одного знания перед другими. С этой целью Г.-Г. Гадамер предлагает разведение проблемы и вопроса, которое позволяет, таким образом, преодолевать самопроблематизацию проблемы. Конфликт интерпретаций выступает одним из способов этого преодоления, порождающий новые бытийные и познавательные средства выражения человека, где он выступает как равный участник сосуществования и исследовательской деятельности.

Публикуется при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малахов В.С. Философская герменевтика Ганса Георга Гадамера // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. — М.: Искусство, 1991. — С. 324–336.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. — М.: Искусство, 1991. — 367 с.
3. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — 624 с.
4. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988. — 704 с.
5. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. — М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. — 624 с.
6. Зотов А.Ф. Современная западная философия. — М.: Высшая школа, 2001. — 784 с.

Поступила 11.10.2010 г.